

Вячеслав Киселев

БАХМУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Цикл книг "Викинг"

Вячеслав Киселев
Викинг Книга 1 Бахмут
Серия «Викинг», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70187896

SelfPub; 2024

Аннотация

Его позывной Викинг, он бывший старший лейтенант Сил специальных операций и действующий "музыкант". Он защищал страну в Сирии, Африке и на Донбассе. Волею судьбы он и его боевые товарищи оказались в Российской империи образца 1768 года. В судьбе страны грядут большие перемены, и они не собираются стоять в стороне. Есть шанс повернуть развитие России в лучшее русло, но для этого нужно пробиться в элиту. Значит, они пробьются!

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1 Пещера Алладина	7
Глава 2 Пара хороших новостей	13
Глава 3 Барон фон Штоффельн	29
Глава 4 "Чистый" и его команда	42
Глава 5 Легализация	50
Интерлюдия Славяносербия	63
Глава 6 Полковник Депрерадович	66
Глава 7 Первое знакомство с Диким полем	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вячеслав Киселев

Викинг Книга 1 Бахмут

ПРОЛОГ

Российская Конфедерация
Республика Новороссия
Бахмут – Соледар
Май 2027 года.

Шёл тринадцатый месяц непрерывных, тяжелейших боев штурмовых отрядов ЧВК «Камертон» в ходе Второй Черноморской войны. Подходили к завершению штурм Бахмута и вся операция по перемалыванию резервов Уркландского вермахта под названием «Бахмутская мясорубка».

В середине мая разведывательно-штурмовая группа Викинга из состава Первого штурмового отряда Ратибора была выведена из Бахмута в окрестности Соледара для восстановления боеспособности.

Группу Викинга в составе 20 бойцов перебросили на Донбасс из Мали в конце мая 2026 года. В июне последовало доукомплектование группы заключенными, подписавшими контракты с ЧВК, ускоренная индивидуальная боевая подготовка для пополнения, боевое слаживание, ознакомление

с театром боевых действий, и с началом июля их так втянуло в водоворот непрерывных боев, что май 2027 года наступил так, как будто прошел один длинный, предлинный день.

За плечами группы Викинга были штурм Углегорской ТЭС (*тепловая электростанция), бои на Светлодарской дуге, штурмы Соледача и Бахмута.

С момента боев за Углегорскую ТЭС, когда в группе Викинга было 40 бойцов, безвозвратные потери (*потери в живой силе, которые безвозвратно утратили боевую способность (погибшие, пропавшие без вести, умершие от ран и болезней, ставшие негодными к военной службе в результате ранений или болезни (инвалиды)) составили 16 человек, практически вся группа была по несколько раз ранена, поэтому временную передышку все восприняли с внутренней, плохо скрываемой радостью, как честно заработанный выходной после хорошо выполненной работы. Бойцы предвкушали хорошую баню и спокойный сон на чистом белье.

Соледач имеет уникальную систему подземных выработок соли, где действующие шахты смыкаются с закрытыми и даже с подземными санаториями, в которых лечили проблемы с дыханием. Отступая из города, «урки» взорвали входы в шахты, но, конечно, не все.

Для пункта временной дислокации штурмового отряда был выбран уже зачищенный первый подземный уровень одного из подземных комплексов предприятия «Артемсоль» в котором тоннели на нижние уровни были взорваны.

Командир группы старший лейтенант запаса Гусаров Иван Николаевич, выпускник Новосибирского ВВКУ (*Новосибирское высшее военное командное училище) по специальности «войсковая разведка» с позывным «Викинг», сидел в задумчивости на кровати и не мог определиться, чего же он хочет больше, поспать или пойти в баню.

Все же накал боев за Бахмут в последнюю неделю достиг наивысшего напряжения, поэтому раздав первоочередные указания и оказавшись в тишине Иван ощутил звенящую пустоту в голове.

Но судьба не дала Ивану долго мучиться выбором: в баню или спать, минут через пять зашипела радиостанция, стоящая на тумбочке.

– «Викинг», «Полигону»!

Первым желанием Ивана было ответить «никого нет дома» или «аппарат абонента находится вне зоны действия сети», но мелькнувшее желание быстро уступило место деловой сосредоточенности, и он ответил, – На приеме!

– Подойди на ЗКП (*Запасный командный пункт), есть пустяковое дело по твоему профилю! – прошипела радиостанция.

– Принял! – ответил Иван и начал натягивать на ноги LOWы (*популярный бренд тактических ботинок).

Глава 1 Пещера Алладина

Заместитель командира штурмового отряда с позывным «Полигон» встретил меня на ЗКП, склонившись над столом, на котором лежала схема каких-то коммуникаций размером не меньше ватмана А-один. Рядом с Полигоном стоял командир инженерно-саперной группы с позывным «Крот» и что-то показывал ему на схеме.

– Привет! – протянул руку Крот.

– Привет! – ответил я на рукопожатие Крота и кивнул Полигону. С ним по прибытию в Соледар мы уже виделись.

– Смотри. – Полигон взмахом руки подозвал меня к схеме, – Тут парни Крота нарыли незаблокированный вход в наш подземный комплекс, вот смотри, с обратной стороны разрушенного административного здания, крыша при обрушении съехала набок почти целая, она из металлического профиля, и перекрыла вход. Возможно, «урки» не смогли туда пролезть и подорвать вход, но от Крота же не скроешься, он везде пролезет. Но есть вероятность обратной ситуации, что их там привалило и они пока там «затихарились», а судя по другим шахтам, «ништяков» там может быть на полгода проживания. Так что бери свою группу и зачисти минимум первый уровень, дальше по обстановке, группа Крота обеспечит расчистку прохода и при необходимости блокировку проходов в глубину, задача ясна?

– Сделаем. – ответил я и повернувшись к Кроту сказал, – Через 30 минут у основного входа, время шестнадцать тридцать две, Крот, посмотрев на свои часы, кивнул и пошел на выход.

– Тогда вперед! На возьми схему коммуникаций на формате А-три, только тут нихрена не разберешь, на месте разберетесь. – сказал мне Полигон и снова склонился над схемой.

На зачистку я взял с собой двадцать бойцов, троих по прибытию в Соледар отправил в лазарет. Учитывая специализацию группы: ночные разведывательно-штурмовые действия, – проблем с экипировкой и подготовкой к выходу не было. Мы конечно, не «тоннельные крысы», но и соляные шахты, в которых местами можно было ездить на КамАЗе, не тоннели в джунглях, так что обстановка в целом знакомая. Вся группа обеспечена нашлемными очками ночного видения и ночными прицелами на «стрелковку». Из оружия взяли по максимуму «Валы», чьи тяжелые 9-мм дозвуковые пули идеально подходили для боя в замкнутом пространстве из-за отсутствия рикошетов, либо «Калаш» с ПБС и только Добрый, как всегда, с пулеметом.

С Добрым, в миру Михаилом Михайловичем Аникиным, мы вместе воюем уже восьмой год. Добрый служил срочку пулеметчиком в бригаде спецназа в Ростовской области и после дембеля в 2018 году решил остаться на контракт. В этом же году, по выпуску из училища, меня, лейтенанта Гусаро-

ва, распределили заместителем командира разведгруппы в эту же бригаду. Так мы и познакомились. Летом 2019 года мы вместе прошли отбор в подразделение Сил специальных операций, и с этого момента покой нам только снился.

Война в Ливийской джамахирии, Азаваде и Сирийской Демократической республике, где мы познакомились с Ратибором и его штурмовым отрядом и в начале 2021 года, во время работы в «белой» пустыне, вдоль дороги Пальмира – Эс-Сухне – Дейр-эз-Зор, по наведению нашей авиации на кочующие группы «Черного джихада», пытающиеся перехватить линию снабжения войск, деблокирующих Дейр-эз-Зор, при отходе с точки, наш трофейный пикап «Хайлюкс» подорвался на случайном одиночном фугасе. У меня тяжелая контузия и осколок в руку, у «Доброго» легкая контузия и множественные осколочные ног.

По излечению в конце 2021 года, военно-врачебная комиссия признает нас ограниченно годными к военной службе и командование предложит продолжить службу на инструкторских должностях в Центре специальной подготовки.

Мы себя, по молодости лет, считали абсолютно здоровыми и не желали сидеть на попе ровно, поэтому написали рапорта на увольнение, созвонились с Ратибором и оказались в ЧВК «Камертон». Здесь маховик боевых командировок закрутился с новой силой: Средне-Африканская республика, Мали и наконец Донбасс.

Добрый настоящий былинный богатырь, рост больше двух метров, гнет подковы. Как и у всех больших людей движения у него степенные, с чувством внутреннего достоинства. Лицо у Доброго «доброе-доброе», но это не для всех, в бою он превращается в машину смерти. Любимое оружие Доброго 7,62-мм пулемет «Печенег» с системой бесперебойной подачи ленты «Скорпион» на 550 патронов, которая позволяет ему в скоротечных огневых контактах просто подавить противника огневым валом. Но и любым другим оружием, как огнестрельным, так и холодным, Добрый виртуозно отправляет различных «бармалеев» в их «бармалейский» ад.

Вся моя группа экипирована в штурмовые «Архангелы», отличные бронежилеты одной Новосибирской компании, доставшиеся нам в виде гуманитарной помощи вместе с бойцами из пополнения, прибывшими из одного из новосибирских исправительных учреждений, но только Добрый всегда носит полный штурмовой комплект с горжетом, наплечниками, набедренниками и наколенниками. При этом в полном снаряжении Добрый по подвижности не уступает самым ловким бойцам группы.

При встрече с саперами, мои бойцы, как положено, позубоскалили, что из-за некоторых, не в меру ретивых, землеройных организмов, нормальным пацанам нет возможности помыться в честно заслуженной бане, но только начав движение по развалинам в сторону шахты группа превратилась в единый боевой организм.

Саперы парой направленных взрывов оперативно убрали с дороги упавшую крышу и началась наша работа. Пока ребята Крота занимались входом я, положив на капот сгоревшей «десятки» схему коммуникаций, быстро провел постановку задач. Работа знакомая, бойцы хотели побыстрее начать заслуженный отдых, поэтому вопросов у них не было и боевые двойки растеклись по коридорам как щупальца спрута.

Периодически сверяясь со схемой, я двигался в центре боевого порядка и получая от двоек доклад «Чисто», направлял их дальше. Меня, как всегда, прикрывал Добрый.

Зачистка шахты шла рутинно, не было ни засад, ни хитроумных мин-ловушек и через тридцать две минуты с начала движения в наушниках раздался голос Гюрзы, командира первого отделения.

– «Викинг», «Гюрзе»!

– На приеме! – ответил я.

– Командир, нашли пещеру Алладина, правый коридор до конца. – доложил Гюрза.

– Крот! – позвал я командира саперов, – Давай своих парней к Гюрзе, пусть там все проверяют аккуратненько.

Через двадцать семь минут Крот доложил, что первоначальный осмотр завершили и можно подходить. Оставив в центральном коридоре группу прикрытия, я с десятком бойцов двинулся в правый коридор.

В конце коридора обнаружился довольно большой зал, по-

хожий на какое-то хранилище, типа винного склада. Саперы, парой светодиодных фонарей, организовали вполне сносное освещение, достаточное для беглого осмотра.

Надо сказать, что запасы различного «убивающего» железа, складированные в этом зале, впечатляли. Тут были «Джавелины» и NLAWы, «Стингеры» и «Иглы», противотанковые и противопехотные мины, гранаты и взрывчатка, не говоря уже о стрелковом оружии и патронах, как советского, так и западного производства.

Мы с Добрым прошли до конца зала и увидели там Гнома, разведчика из отделения Гюрзы. Гном стоял и замороженно смотрел на стену зала. Подойдя ближе, мы поняли на что смотрел Гном.

На стену зала будто навели видеопроектор и показывали северное сияние. Сияние казалось объемным и притягивало к себе. Мы с Добрым остановились возле Гнома и тоже уставились на стену, как бараны на новые ворота. Тишина и умиротворенность обстановки обволакивали, как покрывало.

Вдруг моя интуиция, не раз выручавшая меня в бою, взвыла как сирена пожарного автомобиля. Я начал поворачиваться, но воздух словно превратился в кисель и движение выходило как при замедленном воспроизведении в кино. В этот момент где-то в центре зала вспыхнуло солнце, ударом взрывной волны меня бросило на стену, прямо в сети северного сияния...

Глава 2 Пара хороших новостей

Полная темнота и тишина. Тело сковало до полной неподвижности, не было возможности сделать даже вдох-выдох.

Мысли лихорадочно метались в тщетной попытке объяснить произошедшее, в голову накатила тяжесть и дурнота, но через десяток ударов сердца скованность пропала и я, едва не упав от неожиданности, закашлялся.

Рядом раздался голос Гнома, который был в своем репертуаре, задавая сразу несколько вопросов, – Кто здесь? Что за хрень творится?

– Это Викинг, Гном ты в норме? – спросил я.

– Если не считать, что я охреневший от этой непонятки, то в норме!

– Добрый, ты здесь? – снова спросил я, внутренне напрягшись в ожидании ответа.

– Норма Командир! – ответил Добрый и у меня словно от души отлегло. Учитывая, что я сирота, Добрый был единственным близким мне человеком на свете и я относился к нему как к младшему брату.

– Никому не шевелиться, сейчас будет свет. – сказал я, доставая из разгрузки фонарь. Фонарь не включился.

– Облом, фонарь сдох, Гном у тебя фонарь живой? – спросил я.

– Тоже облом Командир, сейчас зажигалку запалю! – от-

ветил Гном.

– Подожди. – сказал я, – Давай ночники проверим.

ПНВ и ночные прицелы не работали, как и гарнитура. Вся электроника сдохла. Плохой симптом.

После проверки Гном зажег зажигалку и неровный свет от нее выхватил кусок стены, не-то пещеры, не-то шахты, и вопросов от этого меньше не стало.

– Так, спокойно! – сказал я, беря себя в руки, понимая, чего от меня ждут мои бойцы, и спокойным голосом начал отдавать указания, – С места не сходить, Гном сделай факел из шомпола и ИПП (*индивидуальный перевязочный пакет*).

Когда вокруг нас немного посветлело, я продолжил, – Осмотреться вокруг ног на предмет растяжек и другого взрывоопасного дерьма. Осмотреть себя на предмет ранений. Доклад!

– Гном чисто, цел.

– Добрый чисто, норма.

Осмотревшись по сторонам, я понял, что находимся мы совершенно точно не в том месте, в котором произошел взрыв. Это была старая пещера, не имеющая ничего общего с огромным залом подземного комплекса, в котором мы осматривали трофеи.

У тупиковой стены пещеры лежала вповалку гора ящиков и различной укупорки от оружия и боеприпасов, похожих на те, что мы осматривали, но место точно было не то.

– Командир, я, кажется, повторяюсь, но можно спрошу

еще раз, что за хрень здесь творится? – сказал Гном.

Да, хорошо бойцу, когда рядом есть командир, который все знает, либо с умным видом скажет, – Так надо! В этот момент мне отчаянно захотелось на место Гнома, и чтобы рядом был командир, который быстренько все разложит по полочкам и скажет, что так задумано и через полчаса обед, а потом личное время.

– Так, отставить очковать, во всей этой херне точно есть пара положительных моментов. – ответил я, – Во-первых, мы живы и вроде здоровы! – начал я.

– Ага. – перебил меня Гном, – Или лежим в коллективной коме и друг другу снимся. Добрый, ты у нас любитель литературы на эзотерические темы, что скажешь, бывает такая коллективная кома?

– Может и бывает, только сдается мне, что это не наш случай. – ответил Добрый и спросил у меня, – Командир, а какой второй положительный момент?

– Надо выбираться отсюда, но дорогу выбирать не надо, типа стоят три богатыря, а перед ними камешек со словами «Направо пойдешь и так далее...», в таких случаях богатыри всегда в полную жопу попадают. – ответил я, посмотрел на часы, автоматически отметив время, и скомандовав, – С богом, я первым, Добрый замыкает, режим тишины, – сделал первый шаг в неизвестность.

Движение в полной тишине, при неровно пляшущем огоньке импровизированного факела продолжалось уже два-

дцать две минуты. На факелы уже истратили три ИПП и их запас подходил к концу.

На протяжении всего пути пещера практически не менялась, видимого уклона, наскальных рисунков, следов человеческой деятельности, сырости, вообще ничего, за что мог зацепиться взгляд не наблюдалось.

Еще через три минуты я различил впереди шум непонятной пока природы, подал сигнал «Стоп» для остальных, а сам продолжил медленно продвигаться по освещенному участку коридора.

Пройдя метров двадцать, до границы света от факела Гнома, я стал отчетливей различать звуки, идущие спереди. Сделав еще пару шагов и выйдя за границу света, я закрыл глаза, привыкая к темноте. Открыв глаза и внимательно посмотрев вперед, я с облегчением различил микроскопический источник света.

Все-таки, для обычного человека нахождение в темноте в замкнутом подземном пространстве противостоит и никакая потенциальная опасность впереди не перевесит его желания выйти на свет божий.

Аккуратно вернувшись назад, я обрисовал парням ситуацию и мы, потушив факел, начали движение вдоль стен пещеры, в полной темноте.

Очень скоро наши глаза адаптировались и того света, что виднелся впереди, нам уже было достаточно, чтобы спокойно двигаться вперед. К этому времени мы уже различали че-

ловеческие голоса, звучащие впереди.

Метров через семьдесят мы увидели, что пещеру перегородивает завал из камней, не достигающий до потолка пещеры сантиметров тридцать.

Достигнув завала, мы остановились и начали слушать. Прослушивание пяти минут разговора начало ввергать меня в ступор, говорят вроде по-русски, но половина слов непонятна.

Жестом дав команду двинуться обратно, начал отходить от завала. Метрах в тридцати от завала, за небольшим уступом на стене пещеры, решил остановиться и обсудить услышанное.

Как всегда, первым говорил самый молодой – Гном.

– Командир, с языком какая-то лажа, похож одновременно на старославянский и как будто гопота базар трет, – сказал Гном.

Гном у нас человек парадокс. Рост метр с кепкой, чернявый, с немного восточными чертами лица, что логично, так как в миру он – Ким Ростислав Альбертович, балабол, не пропускающий на словах не одной юбки, прирожденный математик и инженер, бывший студент факультета ракетной техники Бауманки. На пятом курсе хотел открыть какой-то космический стартап, а для накопления первоначального капитала с приятелем запустил лохотрон среди студентов, за что и получил трешку за мошенничество. Отсидев два года, с началом Второй черноморской войны подписал контракт с

ЧВК, попал в мою группу и воевал отлично.

Нахватавшись блатных закидонов, Гном пребывал в бою в двух ипостасях, идеального тактического и баллистического компьютера, когда в интересах выполнения боевой задачи группы решал расчетные задачи, и отморозка штурмовика, лезущего с криком «Порву как тузик тряпку!» первым в каждую жопу, ну и в обычном разговоре иногда проскакивали отголоски фени.

– Согласен, командир, – как всегда кратко, резюмировал «Добрый».

– Ладно, раз нихрена непонятно, продолжаем разведку, Гном, скидывай снарягу и наверх на цыпочках, мы внизу. – закончил я.

Гном скользнул по камням наверх, а нам оставалось только ждать.

Через двадцать пять минут Гном спустился с завала и стал докладывать.

– Короче так, посреди зала горит костер, вокруг костра девять человек, выглядят как слет сумасшедших реконструкторов эпохи феодализма, восемь однотипных, заросших, базарят как ушкуйники из фильма про Степку Разина, девятый другой: чистый, бритый, одет прилично, разговаривает как образованный. У «Чистого» какие-то тёрки с этими гопниками, спорили походу по вопросу оплаты за выполненную работу. Заказал он им завалить какого-то купца. Гопники его прикопали, а этот хрен что-то с баблом мутит. Потом «Чи-

стый» свалил, обещал завтра прийти и порешать все вопросы, а гопники стали жрать и бухать.

Несмотря на эту информацию, вопросов все равно было больше, чем ответов.

– То, что они бухают это отлично, спать будут крепко. Слушаем, ждем, когда утихомируются. – махнул я рукой, – Сами пока передохнем, Гном первый на фишке, Добрый за ним, по тридцать минут, – сказал я и с облегчением присел к стене пещеры. Все-таки накопившаяся за последнее время усталость, чертовщина, произошедшая с нами, и неизвестность, маячившая впереди, сделали свое дело и мозг резко потребовал перезагрузки. Я закрыл глаза, расслабился, и через мгновение меня тронул за плечо Добрый.

– Командир, подъем, смена! – сказал Добрый, – Вроде утихомирились минут десять назад.

– Хорошо, давай отдыхай, выждем еще полчаса для верности!

Добрый привалился к стене и мгновенно вырубился, гениальный человек, может спать в любом положении, засыпает и просыпается за мгновения, будто и не спал. Прямо, как умная колонка «Алиса», вроде не работает, а понадобилась, только позови, – Добрый завали вон тех «бармалеев», а он тебе «Пожалуйста», «готово Командир».

Через полчаса, разбудив бойцов, и убедившись, что все гопники дрыхнут без задних ног, еще раз проговорили порядок работы. Гном пролазит через дыру по одному их пе-

ленает, если кто проснется, работает ножом «наглушняк», я страхую с «Валом» через дыру, а Добрый отдыхает.

Гном хоть и выглядит как пацан, в рукопашной схватке противник серьезный, у него хоть и нет спецподготовки и огромного опыта умерщвления подобных себе различными способами, как у нас с Добрым, но у него за плечами увлечение восточными единоборствами и жесткая школа мест не столь отдаленных, помноженные на природную наглость и недооценку со стороны противника, о которой он обычно даже не успевает пожалеть.

– Ну с богом! Поехали! – махнул я рукой и полез по камням вслед за Гномом.

Гном, налегке, без разгрузки и броника, протёк между валунов как пятнистая ящерица, не потревожив не один камешек, я двигался медленнее и осторожнее, остерегаясь поднять шум, столкнув вниз какой-нибудь камень, все-таки разница в весе у нас существенная. Но все прошло тихо. Гном, еще раз осмотрев пещеру и удостоверившись, что клиенты спят, скользнул в дыру.

Я через мгновение, пристроив ствол «Вала» на предплечье правой руки, осмотрел зал через целик.

Костер почти прогорел, но остатки исходившего от него света еще позволяли уверенно работать по целям.

Гном отработал восьмерых гопников за пять с половиной минут. Зажать рот с одновременным ударом рукояткой ножа по голове, пластиковую стяжку на руки за спиной, кляп в

рот. Учитывая количество различного тряпья вокруг них, с кляпами проблем не было.

Ну что, хорошее начало, будем продолжать. Я, подозревая Доброго и передав ему «Вал», полез в дыру. Там, где Гном проскочил не замедляясь, я еле пролез, выдохнув из себя весь воздух и вспоминая как Винни-Пух застрял в норе у кролика.

Добрый передал нам через дыру броники с разгрузками, два «Вала» и шлемы и остался один по ту сторону завала в ожидании его разбора. Экипировавшись и проверив еще раз пленников, мы пошли зачищать оставшуюся часть пещеры.

Зачистка прошла без эксцессов, больше в пещере никого не было, света было достаточно, а метров через пятьдесят обнаружился выход, заросший кустарником, который видимо хорошо маскировал вход в пещеру от посторонних.

Осмотрев, насколько это возможно, через кустарник окрестности и никого не обнаружив, мы пошли назад.

Ладно, первый этап прошел успешно, теперь нужно освободить Доброго, допросить пленников и наконец разобраться во всей этой хрени.

– Гном! Подкинь дров в костер, контроль пленных, – сказал я, и после того, как оживший огонь разогнал сумерки в пещере, еще раз осмотрелся.

Увидев на стене, воткнутый в трещину, кривой факел, поджог его и полез по камням к Доброму. По дороге, подняв голову к потолку, увидел, что при обвале в потолке пещеры

образовалось небольшое отверстие, через которое видимо и выходил дым от костра.

– Добрый, ты как? Соскучился, давай выбираться, – сказал я, и посветил в дыру.

– Ну вот, только решил отдохнуть, а тут опять работать. – притворно проворчал Добрый, – Ладно, давай выбираться!

Учитывая, что шума можно было уже не бояться, мы с Добрым быстро скинули вниз десяток каменюк и освободили проход, способный пропустить даже Доброго и даже с его любимым пулеметом.

Отправив Доброго контролировать вход в пещеру, я сказал Гному, – Буди первого!

Похлестав ближнего к себе пленника по щекам, Гном потянул его за шкурку и поставил на колени.

Пленник был худым, заросшим и одет был, будто собрался на сбор реконструкторов деревенского быта крестьян в России времен Екатерины Второй. Непонятного цвета длинная рубаха, подпоясанная веревкой, широкие штаны и лапти с обмотками.

Мужик начал приходить в себя и вращать глазами. Увидев меня в полной экипировке, в шлеме с откинутыми наверх очками ночного видения, он затрясся, замычал и попытался вырваться из цепких рук Гнома.

Поняв, что мужика сейчас хватит кондратий, я снял шлем и успокаивающе сказал, – Мужик, тихо, не дергайся и будет все нормально! Ты меня понимаешь? Если понимаешь, кив-

ни один раз!

Мужик кивнул, и я продолжил, – Сейчас тебе освободят рот, только ты не ори, а то мы тут в пещере оглохнем. Будешь орать, я тебе язык отрежу. Мне тут есть ещё с кем поговорить! Если понял кивни один раз!

Мужик еще раз кивнул, и я дал знак Гному вынуть кляп.

Надо сказать, что с кляпом Гном не мелочился и засунул мужику в рот, наверное, половину, непонятого покроя, шапки из грубой холстины.

Дав мужику продышаться, я сказал, – Я буду спрашивать, ты отвечать! Один вопрос, один ответ! Понял?

Мужик опять кивнул.

– Уже можно говорить, – продолжил я и начал допрос:

– Фамилия, имя, отчество?

– Так это, Архип я, Петров сын, а фамилию не знаю!

– Где мы находимся?

– Так под уездным городом Бахмут, Новороссийская губерния!

– В России?

– Господь с тобой, мил человек, конечно, где ж нам еще быть?

– Кто правит страной?

– Так матушка Ампирастрица Екатерина!

– А год сейчас какой знаешь?

– Тысяча семьсот шестьдесят осьмый от Рождества Христова!

– Кляп, – сказал я Гному, кивнув на мужика, – Отойдем!

Подозвав Доброго, мы присели в стороне от пленных, и я начал разговор.

– Итак господа, что мы имеем на данный момент: подрыв б/к в шахте был, но мы целы и ни единой царапины; сейчас мы точно не в той шахте, которую зачищали; электроника не работает; граждане, которых мы повязали, одеты по моде минимум двухсотлетней давности, и говорят также; ну и на десерт показания «гопника». Ничего не упустил?

– Как всегда, расклад полный Командир! – констатировал Гном.

– Что ж, анализ имеющейся информации, позволяет сделать только один адекватный вывод. Мы в полной жопе, а жопа эта называется «мы в другом мире», и неважно, как это конкретно произошло: «перенос в прошлое», «параллельный мир» или еще какая-нибудь заумная херня. Это ты Гном на досуге придумашь, чтобы нас с Добрым успокоить, у тебя башка умная, ты ведь космос собирался покорять, – выдохнул я и продолжил, – Но, как всегда, есть пара неплохих новостей:

– Первая, еще раз напомню, мы живы, здоровы, «снаряга» почти в норме, там в пещере походу лежит часть того арсенала, который мы осматривали;

– Вторая, мы в укромном месте, у нас есть источники информации, местная одежда, наверняка небольшой запас пищи и воды, возможно найдется местная валюта и самое глав-

ное, ушедший отсюда и обещавший прийти завтра весьма интересный человек.

Замолчав, давая товарищам пару минут уложить информацию в головы, я понял, что мое сознание будто разделилось на две неравные части: маленькую, которая охренела, забилась в угол и думает, что этого не может быть, потому что не может быть никогда и сейчас я проснусь, и основную, защищенную от переживаний и сомнений всем моим жизненным опытом, подготовкой и чувством ответственности за личный состав, спокойно и деловито раскладывающую поступающую информацию по полочкам, анализирующую и уже выстраивающую стратегию нашего выживания и возвышения в этом, пока чужом для нас мире.

– Итак парни, исходные данные в целом ясны! Конечно, для нормального плана действий этого мало, но для выработки общей стратегии достаточно – начал я мозговой штурм.

– Если на дворе 1768 год, то в нашей истории скоро должна начаться очередная русско-турецкая война, если мне не изменяет память закончится она в 1773 или 1774 году. Румянцев при Кагуле разобьет турок в пух и прах, при Чесме наши потопят их флот, проявит себя еще достаточно молодой Суворов, Крымское ханство выйдет из-под опеки Османской империи и по результатам войны Россия заберет у Польши Правобережную Украину. Да еще крестьянское восстание Емельяна Пугачева под конец войны начнется! – вспомнив уроки военной истории в военном училище, про-

должил я.

– Дальше, как сказал гопник, мы в Бахмутском уезде Новороссийской губернии. Административно-территориальное деление Российской империи того, или этого, времени я детально не помню, но это точно не на Кубани, а название Бахмут кроме как на Донбассе не слышал ни разу!

– Командир! – Гном поднял руку, – У меня тут теория появилась!

– Быстро ты!

Гном вскочил и отчаянно жестикулируя руками начал объяснять, – Мы в Бахмуте спустились в шахту, которая лет двести назад могла быть просто пещерой, и при взрыве арсенала попали под выброс большого количества энергии, мы ведь даже не знаем сколько там этого дерьма было, в момент взрыва только мы втроём стояли у дальней стены зала, которая, помнишь, начала светиться северным сиянием и стала похожа на большую воронку. Предположим, эта воронка, это тоннель между разными ветками одного мира, или разными мирами, неважно, и мы под воздействием энергии взрыва, вместо того чтобы размазаться по стене, переместились в то же место в другом мире. То есть, это тот же донбасский Бахмут, в другом времени или измерении.

– Если так, то земля пухом мужикам! – подал голос Добрый, перекрестился и продолжил, – А как же ящики, Гном?

– А что ящики, часть ящиков была между нами и эпицентром взрыва, они видимо нас защитили от осколков и ча-

стично переместились с нами! – ответил Гном.

– Да земля пухом! – перекрестился я, – Эта пещера ведь теперь наша общая братская могила, по крайней мере для тех кто остался в том мире, – сказал я, а сам подумал – по нам с Добрым слезы лить некому, семьями мы обзавестись не успели, я родителей не помню, погибли в автокатастрофе и меня воспитывала бабушка, умершая когда я учился в училище, родители Доброго – добряк дядя Миша, на фоне которого Добрый со своими размерами смотрелся школьником и хохотушка тетя Таня, всегда баловавшая нас вкуснейшей выпечкой, когда мы выбирались с Добрым на недельку к нему домой в Нижний Тагил, погибли два года назад, при взрыве бытового газа в соседней квартире, со старшей сестрой Добрый не контактил, она вышла замуж и свалила куда-то в Европу. А вот у Гнома остались родители в Подмоскowie, им не позавидуешь, даже на могилку к сыну не сходить.

– Ладно, прорвемся! А теория нормальная, красавчик Гном, на полном серьезе. – продолжил я, – Значит с военно-политической обстановкой и географией разобрались. Теперь кратко попробую сформулировать систему координат этого мира и конкретно этих территорий, в которой нам предстоит действовать:

– сословное разделение, а значит дворянин хозяин жизни, холоп ничто;

– казаки здесь пока имеют определенную вольницу;

– южнее этих территорий Дикое поле, а значит работа-

ет право сильного, можешь забрать, забери, можешь убить, убей!

Сделав паузу, я продолжил, – Как говорил один умный человек, время перемен, это время возможностей, и у нас здесь, мне думается, отличные перспективы, и я даже не говорю о том, что можно разбогатеть, купить пару деревенок с холопами и почивать на лаврах. Была, кажется, старая песня в тему, типа «пусть мир прогнется под нас». Так вот это нам подходит!

– Ха, Командир! Так это пи..ор картавый Макар, который к сионистам съеба...ся с началом Второй черноморской, поет! – встрепенулся Гном.

– С характеристикой полностью согласен, но это не суть, главное слова правильные! Прогнем этот мир! – закончил я.

Глава 3 Барон фон Штоффельн

Российская Империя.
Новороссийская губерния
Окресности Бахмута.
Май 1768 года.

Закончив мозговой штурм, мы, предварительно обшмонав и зафиксировав ноги, переместили «местное население», которое к тому времени начало приходить в себя, ближе к выходу на чистый пол и провели шмон всей пещеры.

Его результатом стали несколько комплектов одежды, частично со следами крови, три пистолета, два из которых были вероятно из одной пары, одно ружье, длиной ствола и калибром похожее на противотанковое, пара сабель, пять кистеней, три топора, с десяток убогих ножей и один вполне приличный кинжал с ножнами, пара подсумков с боеприпасами, свинцовыми пулями и черным порохом, а также кошель с монетами. Деньги считать пока не стали, все равно там с номиналами без бутылки на разберешься.

Но самым главным трофеем оказались документы. Это оказалось, по всей видимости, рекомендательное письмо и подорожная грамота. Текст, несмотря на завитушки и некоторые лишние, на мой взгляд, буквы вполне себе читался.

В рекомендательном письме к командиру Бахмутского гу-

сарского полка полковнику Депрерадовичу от его боевого товарища по Семилетней войне командира Царицынского драгунского полка полковника Прозоровского сказано, что отставной поручик барон фон Штоффельн, ввиду денежных затруднений, и с учетом того, в полку выдается земля, желает поступить на службу. По прошлой службе в драгунском полку под началом Прозоровского характеризуется положительно, в предосудительных делах замечен не был. Отличился при осаде крепости Кольберг, кавалер медали «За храбрость», дважды ранен.

Подорожная грамота была выдана мещанину Емельянову Прохору Петровичу, следующему из уездного города Камышина Саратовской губернии в Новороссийскую губернию вместе с бароном фон Штоффельном, в качестве секретаря. Словесный портрет, приведенный в грамоте, гласил: подаватель сей грамоты ростом два с половиной аршина, лицом белый, дородный, волосы русые, глаза карие. Особых примет не имеет.

Прочитав письмо и грамоту, я понял, что с такими документами легализация становится делом вполне реальным. Конечно, фактуры было мало и любой полковой «контрик» вывел бы нас на чистую воду за пять минут. Но, слава богу, в этом времени таких еще не существовало.

Конечно, словесный портрет в грамоте никому полностью из нас не подходил, но Добрый в целом был похож, за исключением роста, хотя тут можно сказать, что писарь мол с

пьяну напутал.

Что касается барона фон Штоффельна, он наверняка был из обрусевших Остзейских немцев, во множестве живших в Поволжье. Тут моя внешность прокатит на ура, все же позывной «Викинг» появился у меня еще на первом курсе училища не просто так. Ростом я метр восемьдесят, белокурый, голубоглазый, с телосложением молодого Дольфа Лундгрена.

По вопросу легализации Гнома, с учетом его восточного типажа, мысли у меня кой какие появились, но думаю, как потресем «гопников» и «Чистого», картина сложится.

Мысли, это хорошо, но пора и делом заняться, подумал я и сказал, – Добрый, Гном, давайте «гопников» к стенке, по пояс раздеть, пора пообщаться!

Парни выставили «местное население» в одну шеренгу, прислонив к стене, что бы не попадали со связанными ногами.

Осмотр «портретов» и спин позволил сразу разделить шайку на три неравных части.

Первая – пять мужичков с вырванными ноздрями и спинами не раз, видимо, знавшими плетей или батогов, смотревших на меня исподлобья взглядами прожжённых каторжан, которым везде дом родной. Среди них и главарь, на которого показал Гном.

Вторая – два мужичка с целыми носами, тоже битые плетями, но не так сильно, один из них Архип, которого я

допрашивал первым. Взгляд у обоих испуганный, забитый.

Ну и напоследок, то ли татарин, то ли полукровка, не разберешь. Кожа тут у всех темная, заветренная. Глаза чуть раскосые, череп бритый, а одет вроде как казак. Глазами зыркает, видно готов глотку зубами перегрызть.

Ну-с, приступим. Сев на чурбак, поставленный мной в центре пещеры у костра, я махнул рукой и сказал, – Гном, фраеров и татарина метров на тридцать оттащи! Добрый, приглашай главаря, покалякаем о делах наших скорбных!

Обладая предварительной информацией о бэкграунде «гопников», включавшем как минимум трех-четырех «двухсотых», я не собирался с ними миндальничать. Все равно придется их зачищать.

Главарь поначалу ушел в несознанку, но после интенсивной подготовки всей группы, включавшей три частично отрезанных уха, пару раздробленных кистей и одно сломанное колено, запел как соловей.

Моя предварительная классификация личного состава банды оказалась полностью верной.

Пятеро, бывалые каторжане, убив конвоира сбежали с этапа в Воронежской губернии. Решили податься в Дикое поле, продолжать привычное дело.

Полукровка – наполовину ногаец, и двое фраеров – беглые, прибились к банде уже в Диком поле. Ногаец что-то накосячил у своих, а фраера – один крестьянин, сбежал от барина из Нижегородской губернии, а Архип вообще был ма-

стеровым на Демидовских заводах на Урале.

Эту пещеру банда использует как базу уже второй месяц, за это время совершили несколько нападений. Ограбили три торговых обоза. Обозники сопротивления не оказали, поэтому обошлось без убийства. В обозах взяли много провианта, поэтому пока не бедствовали.

Нападение на барона фон Штоффельна прошло не так мирно, барон начал отстреливаться, завалил одного каторжанина, с этапа они ушли вшестером, и был убит ответным огнем. Прохора Емельянова взяли живьем и, чтобы повязать кровью, заставили крестьянина его зарезать.

После этого нападения у них появилось три лошади, одна была под поклажей. Сами они лошадей не использовали, ни у кого, кроме ногайца, привычки ездить верхом не было, да и хлопотно это. Решили лошадей продать в Бахмуте, лошади не местные, опасности, что опознают нет.

Лошадей вызвался продавать, что естественно, ногаец, но на базаре в Бахмуте рожа ногайца не понравилась приставу и тот посадил его в «холодную», до выяснения личности. И вот тут начинается самое интересное.

К приставу в это время с проверкой заходил какой-то местный босс, который перетер с приставом и ногайца отпустили, но не на свободу. Подручные босса, под руководством «Чистого», видимо правой руки босса, вывезли его за город и сделали ему предложение, от которого невозможно отказаться. Ногаец свел «Чистого» с главарем и тот сделал банде

заказ на местного купца и в качестве задатка отдал им деньги за лошадей, которых банда хотела продать на базаре. Из-за этих денег у них и вышел вечером спор.

Заказ банда выполнила три дня назад. «Чистый» обеспечил их необходимой информацией и вечером, при возвращении домой, купца зарезал ногаец. Да уж, уездный городок, а страсти здесь кипят нешуточные.

Раздельный допрос фраеров подтвердил показания каторжан, только в отношении убийства Прохора Емельянова крестьянин упирался недолго, но разве Доброму можно соврать?

Ногаец молчал, как партизан, но ничего нового он нам сказать не мог, а про босса скоро все расскажет «Чистый».

Закончив дознание, мы отошли в сторону, и я спросил у парней, – Какие будут мнения?

– Тут двух мнений быть не может, зачищаем без базара, крови на них хватает, да и нас видели. – ответил Гном.

– В целом согласен, – сказал Добрый, – Да только Архип, вроде кровью не замазан, лишний грех не хочется брать на душу и так хватает.

– Тут я поддержу Доброго. – сказал я и продолжил, – Кроме того, нам нужен свой постоянный источник информации об этом мире, а впрок не спрашиваешься. Мужик он вроде не глупый, мастеровым на заводе был, должен понимать, какой сделать правильный выбор. Гном освободи его и веди сюда. Добрый, а ты раздень ногайца до конца, нам его одежда

еще пригодится, и поставь его вот сюда к стенке на колени, только закрепи его как-нибудь, чтобы не падал.

Гном привел хромающего Архипа, который судорожно растирал затекшие руки и со страхом смотрел на меня.

– Садись Архип, – сказал я, показав ему рукой на пол пещеры, – В ногах правды нет. Мы не разбойники, живем и служим на благо России, что и дальше собираемся делать. У тебя сейчас есть выбор – смерть, все же ты соучастник трех убийств, но смерть быстрая, вот смотри. – показал я на ногойца и выстрелил ему в голову из «Вала». Голова ногойца взорвалась как спелый арбуз.

Ужас сковал Архипа, ведь то, я сделал, наверное, показалось ему колдовством – тихий лязг металла, отсутствие дыма и огня от выстрела и такой «головосшибательный» результат.

– Или служба мне, верная служба! – продолжил я, – Потому как неверная служба – это тоже смерть. Только медленная. Ну а бежать, сам понимаешь, бессмысленно, поймают, получишь своих плетей и вернешься ко мне. Про вот это все тебе никто не поверит, твое слово против слова дворянина. Кстати, у тебя на Урале остались родные?

– Так это, барин, сынишка и дочурка у меня остались в Златоусте, жинка померла от чахотки, а они у сестрицы жинкиной живут, я все больше по горам ходил, искал с горным анжинером места, где удобно руду добывать. Они же малые еще, семь и пять годков, им ласка материнская требуется,

вот у сестрицы и живут, а я им денег и харч приносил. – ответил Архип.

– Так что же ты в бега подался тогда? – спросил я.

– Нашел я в горах кусок пирита, еще его называют «золото дураков», камень бесполезный, но блестит как золото, ну и взял его ребятишкам играть. А управляющему кто-то донес, что я золото утаил. Управляющий стал грозиться, что на каторгу меня упечет. Спужался я, да сбёг. – ответил Архип.

– Да, дела, ну значит Архип у тебя есть отличный стимул, служи мне верно и сам будешь в порядке, и дети будут рядом с тобой. Ну, что решил Архип? – спросил я.

– Да что решать барин, вот те крест, буду служить верой и правдой! – начал креститься и кланяться в пол Архип.

– Ну значит, на том и порешим. – сказал я, – Архип! Ногайца утащи, вон туда, в угол пещеры. И прибери здесь немного.

– Понял барин! – закивал Архип, и поковылял к ногайцу.

В целом, результаты проведенных мероприятий обнадеживали, информации, конечно, было маловато, правда была еще надежда на информацию от «Чистого», но чем ближе был срок его прибытия, тем отчетливей я понимал, что просто так его визит пройти не может. Ну не станет подручный местного босса оставлять свидетелей его преступления, да еще платить им, насколько я понял, большие по местным меркам деньги. Гораздо проще зачистить их, либо своими силами, либо прийти в полицию, сказать, что есть информа-

ция о банде душегубов, «джентльменам» ведь верят на слово, возглавить операцию и всех их здесь порешить.

Тройная выгода: концы в воду, экономия бюджета, слава и почет от города – изведены опасные душегубы, порешившие нашего уважаемого купца, пусть земля ему будет пухом. Ляпота!

Сразу после дела он их «завалить» не мог, потому что не знал где пещера. В первый раз они с главарем встречались в развалинах на окраине Бахмута. А второй раз, видимо, сумел втереться в доверие, и они показали ему пещеру. Наверняка наплел им с три короба про долгое и плодотворное сотрудничество.

У Доброго интуиция была не хуже моей, не раз спасала нас в бою, поэтому я спросил, – Добрый, как думаешь, будет «подляна» от «Чистого»?

– Да к бабке не ходи, алгоритму не одна сотня лет – сделал дело, зачисти исполнителей! – спокойно ответил Добрый.

– Согласен. – поддержал я, – Поэтому рано расслабляться, контролируешь здесь, мы с Гномом на разведку, на свет божий!

Дойдя до выхода из пещеры, я минут десять через кусты осматривал окрестности в бинокль и ничего не обнаружив, сказал Гному двигаться вперед. Гном пошел вперед, я за ним. Выйдя наружу и заняв позиции с двух сторон от входа, мы еще раз осмотрелись и никого не обнаружили.

На поверхности было раннее утро и вид открывался, надо

сказать, превосходный. За оврагом, начинающимся в метрах в трех от выхода из пещеры, чуть ниже нашего уровня, на все расстояние, куда мог дотянуться глаз, раскинулась лесостепь, изредка прерываемая выпуклостями холмов, частично поросших лесом. Буйство явно весенних красок впечатляло. Главное, что можно сказать резало глаз, после очень плотно освоенного человеком ландшафта Донбасса и, конечно, руин Соледара и Бахмута, это девственность окружающей нас природы. Контраст был просто поразительный.

Да, с местом для пещеры «гопникам» повезло, им, конечно, от этого не легче, но это их проблемы. Пещера находилась внутри довольно высокого холма. Со этой стороны холм подъел овраг шириной метров тридцать, тянувшийся вправо и влево от нас на расстояние видимости, обнажив вход в пещеру. Попасть в пещеру можно было только со дна оврага по тропинке, проходящей по узенькой террасе, либо сверху холма с альпинистским снаряжением, но оттуда вход наверняка не виден. На такой позиции один Добрый с пулеметом может батальон остановить, и взять его будет можно только расстреляв с той стороны оврага из тяжелого оружия, забросав гранатами сверху или FPV-дронем. В целом позиция отличная, конечно расстраивало отсутствие второго выхода, но это мелочи.

Вернувшись в пещеру и обрисовав Доброму результаты рекогносцировки, я организовал военный совет.

– Какие будут мыли по организации торжественной встре-

чи «Чистого». – спросил я, и продолжил, – Сразу напоминаю об отсутствии радиосвязи.

– Овраг неширокий, с той стороны с «Валом» можно спокойно контролировать подходы к пещере. – сказал Добрый.

– Гном, что скажешь? – спросил я.

– Точка на той стороне однозначно, хорошо бы еще верх холма «законтролировать», но связи нет, да и нас всего трое, не вариант. – ответил Гном.

– Согласен, – продолжил я, – Тогда слушайте боевую задачу – Добрый в полной «снаряге», с пулеметом и «Валом» на той стороне, к «Валу» возьми три б/к. Гном в одежде ногайца, привыкай уже твоя одежда, только шапку найди какую-нибудь, ногаец лысый был, вместе со мной. Я работаю за главара, Архип работает встречающим, «гопников» уложим у костра, типа спят. Работаем два варианта – первый, если будет «накат» сходу, второй – если «Чистый» придет спокойно, один, что маловероятно, или с группой подручных. По первому варианту решение на открытие огня Добрый, на тебе, работаешь «Валом», твоя «грохоталка» только в крайнем случае, если нас штурмует гвардейский полк с артиллерией, что крайне маловероятно. Мы работаем по обстановке. По второму варианту Добрый на подстраховке, мы здесь изображаем радушных хозяев. До прихода «Чистого», думаю, часа три-четыре, поэтому первоочередные задачи – «гопников» «двухсотим» без крови, нам тут еще сидеть, укладываем у костра поспать, Архип помогает с декорация-

ми, потом Архипа пеленаем аккуратно, от греха подальше, Добрый и Гном выдвигаетесь на позицию Доброго, при этом контролируете вход в пещеру, осматриваетесь там, Добрый остается на позиции, а Гном назад, следы после Доброго, у входа в пещеру, замечает, я пока проверю арсенал.

После приборки мы собрались у костра и перекусили. Мы протеиновыми батончиками, еду «гопников» решили пока, во избежание проблем с пищеварением, не трогать, Архип остатками ужина. После перекуса спеленали Архипа и разошлись каждый в свою сторону.

Результатами ревизии арсенала я оказался, в целом доволен. Конечно, оружия и боеприпасов никогда много не бывает, но небольшую войну устроить можно. Кроме того, скинул на нашем импровизированном складе РАВ погасшую электронику, от которой пользы пока не было, потом с ней разберемся.

Собрались в пещере минут через сорок, освободили Архипа и отправили к выходу из пещеры, на «фишку». Гном рассказал, что позиция Доброго чуть правее входа в пещеру, там большой дуб удачно растет, с этой позиции Добрый контролирует тропинку и овраг метров на двести, потом переделся в одежду ногайца, надев под широкую рубаху «кирасу» от «броника».

Я пока переодеваться не стал, остался в «мультикаме» и «бронике», накинув на себя не то халат, не то кафтан, и шапку, из запасов «гопников». «Валы» мы держали под рукой.

Шапкозакидательских настроений не было, этот мир еще более далёк от «Эры милосердия», по которой сняли замечательный фильм «Место встречи изменить нельзя», чем тот из которого мы пришли. Здесь отправку людей в мир иной не требуется прикрывать словами о борьбе за «демократические ценности», а свинцовой пуле, калибром миллиметров пятнадцать, неважно, что ты спецназовец.

Глава 4 "Чистый" и его команда

Так, в делах, пролетело время, и я услышал голоса у входа в пещеру. Через две минуты показался Архип, а за ним шли четыре человека, как говорил почтальон Печкин – «гражданской наружности». Расклад сразу стал понятен – четыре человека – восемь пистолетов – восемь пуль – восемь «гопников». Поэтому, минуя стадию «предварительных ласк» я подал знак Гному и прострелил «Чистому» колено. Дальше все было как в пинг-понге – Гном – второго, я – третьего, Гном – четвертого. «Чистый» даже еще не начал орать.

Кивнув Гному на «Чистого», я побежал к выходу из пещеры. Найдя взглядом Доброго, под дубом, я остановился. Добрый показал, что у него норма и я пошел назад в пещеру. К моему приходу у «Чистого» уже был кляп во рту, жгут на бедре и стяжка на руках. Пистолеты несостоявшихся убийц лежали у ног Гнома, а Архип, стянув с них хорошие яловые сапоги, деловито стаскивал тела в угол.

– Ну что, Архип, да ты везунчик, дважды сегодня «костлявую» обманул, не собирались они вам серебро платить, они вам свинец приготовили, – сказал я, кивнув на четыре пары пистолетов.

– Спаси тебя бог барин! – Архип бросился на колени и стал истово креститься.

Так, здесь разобрались нормально, но еще ничего не за-

кончилось, четыре серьезных мужика не могли прийти сюда из города на своих двоих. Значит, где-то рядом, остались еще люди с лошадьми. Эту проблему нужно решать незамедлительно, подумал я и сказал, – Архип, ты в пещере за старшего, возьми топор и смотри за клиентом, можно дать воды если попросит культурно.

– Понял барин! – ответил с поклоном Архип и побежал за топором.

Мы с Гномом двинули к выходу из пещеры. Выйдя из пещеры и встретившись взглядом с Добрым, я знаками показал ему, что мы идем вниз, а он перемещается симметрично нам и прикрывает нас сверху. Добрый кивнул и исчез в зелени кустов. Я же подумал, что мы с Гномом можем сыграть в игру «дядя, вас там зовут». Дополнительный «язык», целый и умеющий обращаться с лошадьми, нам не помешает.

Так и сделали, Гном шел впереди, без огнестрела, с кинжалом за поясом, я прикрывал его. Метров через двести тропинка вывела нас на небольшую полянку на дне оврага, окруженную со всех сторон густым кустарником. Находящиеся на полянке люди, в количестве двух штук, и кони, в количестве шести штук, были как на ладони. Коневоды были расслабленными, курили и перебрасывались шуточками. Заняв позицию за кустом у тропинки, я махнул Гному и игра «дядя, вас там зовут» началась.

Гном вышел на поляну и махнув рукой в сторону пещеры сказал, – Эй служивые, там барин одного зовет!

– Зачем? – Спросил первый «конюх», стоявший ближе к Гному, по виду которого было видно, что у него прошел разрыв шаблона.

– Так я почему знаю, твой барин, сам у него и спрашивай! – вошел в роль Гном.

«Конюхи» переглянулись и «первый» пошел в сторону Гнома.

Дальше было дело техники. Конюха, идущего по тропинке за Гномом, я оглушил и оттащил в кусты. Дальше как обычно, кляп, стяжки. Оставив «конюха» на попечение Гнома, я подошел к границе кустов и отработал «второго» в сердце из «Вала». Лошади были привязаны, а выстрел из «Вала» практически бесшумный, так что никакой паники в, уже нашем, мини-табуне не произошло.

Выйдя на поляну и махнув Доброму, я подошел ко «второму». Здоровый битюг, в отличии от «первого». Габаритами «второй» не уступал Доброму и пойдя он за Гномом мне было бы потруднее. Ну, да ладно.

Дальше все прошло спокойно. Добрый с Гномом остались с «конюхом», у лошадей. Поговорят с ним спокойно, про лошадок и т.д. и т.п., зачистят, Гном останется с лошадами, привыкать, а Добрый подойдет в пещеру.

Вернувшись в пещеру и присев рядом с «Чистым» и вынув кляп из его рта, я спросил, – Ну что, поговорим?

Запел «Чистый» практически сразу, видимо произошедшая смена ролей стала для «Чистого» сильным шоком, а кро-

ме того, картина Архипа, подбегавшего ко мне словами – «Все сделано барин!», «Спаси бог барин!», сломала ему шаблон полностью. Кроме того, перевязка колена, вероятно, зародила в нем мысль, что возможно все обойдется, ну не будут же люди тратить бинт на того, кого собираются отправить на тот свет. Наивный!

Беседа с «Чистым», он же Арсений Петрович Козодавлев, открыла большинство белых пятен на нашей картине мира. Разобрались и с боссом «Чистого» и его темными делишками, и с устройством местной власти, а также Бахмутским гусарским полком, денежной системой, титулованием дворян и многим другим. Мой командирский блокнот стремительно насыщался массивом информации. Немного расстраивало отсутствие диктофона, потому что информация о делах «босса», он же городской голова титулярный советник Иван Иванович Лепехин, тянула как минимум на каторгу. Тут и махинации с казенной солью, добываемой в окрестностях Бахмута, и сбор с местных купцов дани, за возможность торговать, устрашение строптивых путем поджогов лавок, и на закуску устранение купца второй гильдии Павлова, который пригрозил "потерявшему берега" Лепехину пожаловаться на него генерал-губернатору. Да, надо было жаловаться, а не грозить.

Я конечно понимал, что ничего сделать с Лепехиным мы не сможем, пока. Доказательств нет, исполнители убийства купца уже остыли, посредник скоро к ним присоединится,

Лепехин уважаемый городской голова, а мы пока непонятные приезжие граждане, которые знать всего этого не могут в принципе. Ну да ладно, информация лишней не бывает, когда-нибудь да пригодится.

По прибытию в пещеру Доброго проговорили легенду. Барон фон Штоффельн, это я, с секретарем Прохором Емельяновым, это Добрый, и денщиком, это Архип, следовал из Камышина в Бахмутский гусарский полк на службу. По пути мы немного заблудились и на землях Войска Донского наняли казачка, это Гном, в провожатые. Лошади стараниями «Чистого» у нас появились, даже с запасом. В Бахмуте этих лошадей наверняка узнают, но нам в Бахмут и не надо, нам нужно в полк. Штаб полка вместе с 1-й ротой, по словам «Чистого», находился севернее Бахмута, в селе Серебрянка на берегу Северского Донца, до которого от Бахмута семнадцать верст. Гном, расспросив у Архипа про местную систему мер, быстро произвел вычисления и получил расстояние в метрической системе – около 37 километров. Учитывая, что наездники из-нас никакие, путешествие нам предстоит небystрое, к тому же после первого дня, проведенного в седле, походка у нас будет, мягко скажем, не совсем приличная. Нам требовалось время на адаптацию. Хорошо бы, конечно, остаться в пещере, хотя бы на недельку, поездить отсюда в конные походы, чтобы «пятая точка» пообтерлась немного, но велика была опасность нарваться на местных, а нам это не нужно. Поэтому выход один: готовимся, минируем завал,

маскируем вход в пещеру, и уходим ночными переходами на северо-восток до Северского Донца, примерно в район Лисичанска из 2027 года, далее поворачиваем на запад и идем вдоль реки до Серебрянки, и не заблудимся и на легенду поработаем.

Ну что, это уже было похоже на план действий, все до мелочей продумать сидя на месте все равно невозможно, а война, как говорится, «маневр подсказет».

Была мысль остаться в пещере еще на сутки, отдохнуть и выйти завтрашним вечером, торопиться-то нам некуда, но Гном, вынужденно ставший специалистом-лошадником, быстро разочаровал нас. Лошадь, она не человек, ухода требует. Немного овса при лошадях было, но это так на один лошадиный зуб, воды у нас тоже было немного, по словам Архипа – воду они брали из родника в противоположной стороне оврага, лошадей туда не проведешь, густые заросли, из емкостей были только бутылки и пара фляг, видимо оставшихся от барона и его спутника. Поэтому выходим сегодня в ночь.

Остаток дня прошел в подготовке к походу. Архип трудился землекопом, прикапывая на дне оврага бывших напарников и команду «Чистого». Мы с Добрым и Гномом начали вживаться в образы. С горем пополам мы с Добрым смогли собрать из всего вороха одежды, имевшейся у «гопников» и снятой команды «Чистого» три комплекта одежды, один про запас, без больших дыр и сильно не залитой кровью.

Мелкие пятна крови застирал на роднике Архип и там же, по моему указанию, вымылся. После этого Гном ножиком немного привел растительность на голове и лице Архипа в порядок.

С обувью нас тоже выручили парни из команды «Чистого», Добрый взял приличные яловые сапоги «второго» конюха, у которого тоже оказался сорок шестой размер, а я у одного из тех, что пришли в пещеру с «Чистым», Архипа, к его радости, тоже переобули и переодели.

Пока Архип таскал к лошадям все, что потребуется нам в дальней дороге, мы занялись вооружением. Пулемет Доброго отнесли на склад РАВ, взамен он взял себе «болтовую» английскую винтовку L96, подпатрон 338 «Лапуа Магнум» с магазином на пять патронов и глушителем. Если снять оптический прицел, сделать на ствол утолщающие накладки, под диаметр глушителя, и обмотать приклад и цевье полосками ткани ил кожи, то издалека будет похоже на местные ружья. Взяли запас патронов Доброму, гранат, для установки растяжек, и под конец, когда уже собирались уходить, Гном наткнулся на ящик с револьверами. Зачем револьверы понадобились «укропам» непонятно, но «дареному коню в зубы не смотрят», что прислали тем и пользовались. Взяли себе еще по револьверу с запасом патронов. Кроме оружия из будущего, решили взять пять пар пистолетов, из которых два пистолета, ранее принадлежавших «Чистому», были с колесцовыми замками и богато отделанными рукоятками и ложа-

ми, а остальные обычные пистолеты с кремневыми замками. Насколько я помнил историю, колесцовые замки были весьма дороги и позволить их себе могли только весьма обеспеченные люди, поэтому светить я их не буду, пусть пока полежат в сумках, куда мы также убрали «Валы», мультикамы, ботинки и разгрузки. Кирасы от броников надели на себя, а дополнительные элементы и шлемы оставили в пещере.

Гном оставил себе еще ногайский кинжал, а Архипу дали ружье, по его словам стрелял он неплохо, все же был, можно сказать геологом, а геолог должен уметь и себя защитить и пропитания в лесу добыть, и топор, одинаково подходящий и для хозяйственных нужд и голову проломить. Остальное оружие и все, что не брали с собой, свалили в кучу за завалом. Лаз в завале заминировали растяжкой и снаружи еще заложили камнями. Пещера, после нашего ухода, сияла девственной чистотой и только кострище в центре пещеры могло сказать, что здесь бывали люди.

Наличие дополнительных лошадей позволило нам взять достаточно продуктов и все для организации бивака, и вечером 18 мая 1768 года мы начали свой путь в этом мире, каким он будет?

Глава 5 Легализация

Расстояние от Бахмута до Лисичанска по прямой около пятидесяти километров, от Лисичанска до Серебрянки напрямую километров тридцать, а если идти по берегу Северского Донца, то еще плюс километров двадцать, там река делает солидный крюк на север, – вспоминал я карту Донбасса, покачиваясь в седле, так что если рассчитывать проходить за ночь километров двадцать пять – тридцать, за два перехода дойдем до реки. Дальше можно будет двигаться днем.

Перед выходом немного попрактиковались в овраге в стрельбе из пистолетов. Руки, выпустившие во врага, наверное пару вагонов различных боеприпасов, сделали все сами, мастерство, как говорится, «не пропьешь».

Пистолеты, на мой взгляд, показали себя достаточно точным оружием, на дистанции в двадцать метров ростовая фигура, роль которой сыграл толстенный ствол дуба, поражалась уверенно. Только перезарядка пистолетов потребовала, сначала, дополнительных усилий. Все же количество манипуляций по приведению оружия в боеготовое состояние было запредельным: взвести наполовину курок, при этом открывалась крышка полки, достать из подсумка бумажный патрон, представлявший собой навеску пороха в бумажном кульке, перетянутом ниткой, надорвать бумагу зубами, насыпать немного пороха на полку замка, закрыть крышку, вы-

сыпать порох в ствол, забить шомполом пыж, в роли которого выступал кулек, забить пулю, для длительного ношения в заряженном состоянии пулю тоже требуется зафиксировать пыжом, взвести курок полностью и, наконец-то, пистолет готов к стрельбе.

Нам, привыкшим заряжать оружие за пару секунд и посылать во врага град пуль, будет поначалу сложно. Но человек, как говорится, ко всему привыкает.

Ехали мы без опаски, все-таки на открытом пространстве, с учетом винтовки Доброго, мы были здесь самыми опасными хищниками, дорога, на которую мы наткнулись выйдя из оврага, петляла между изредка встречающимися рощами, так что засаду на нас устроить было проблематично. Да и вообще, нормальные люди в это время спят, а разбойникам они как раз и требуются, для учинения над ними разбоя, поэтому и разбойникам нет смысла шататься ночью по степи. День пережидали подальше от дороги, находя укромные полянки в глубине леса. Огонь не разжигали, питались всухомятку. В запасах «гопников» были сухие лепешки, вяленые мясо и рыба, соленое сало. Пищеварительная система местную пищу приняла без проблем, что нас сильно обрадовало. Да и вообще, то ли местный воздух такой, то ли что-то еще, но чувствовали мы себя великолепно, энергия словно переполняла нас.

Так, без приключений, мы добрались на утро вторых суток пути до достаточно широкой реки, разбили лагерь на по-

лянке у воды, расседлали и стреножили коней, оставив их пастись на свежей травке, отдохнули пару часов. Парни, поочередно, стояли на «фишке», мне, как барину, не полагалось. Искупались в речке. Красота.

Архип, по моей команде, до блеска оттер песком оловянную посуду, найденную у гопников, и походный котел, разжег костер и поставил вариться кулеш.

Добрый с Гномом занялись лошадьми, сводили их на речку, напоили, искупали.

Архип, в свою очередь, метался как «электровеник», дров нарубил, одежду мою постирал, за кашей следил, и только «барину», то есть мне, нечем было заняться. Занятий, достойных дворянина – войны, охоты или кутежа, не предвиделось, а другим ничем заниматься было нельзя, ниже дворянского достоинства. Надо привыкать.

Вообще мне начинало здесь нравиться, только надо найти себе времяпровождение. Подумав, решил, что самое полезное, что я могу сделать это попрактиковаться в стрельбе. Скрываться нам уже не нужно, поэтому, предупредив Доброго, взял пару пистолетов и подсумок, и пошел стрелять. Выпустив пуль двадцать, я понял, что мое умение зарядания пистолетов превращается в навык, я уже почти автоматически проделывал все операции и не запорол ни одного патрона. Отлично!

Минут через двадцать, прибежал Архип со словами, – Барин! Обед готов, – и мы пошли есть. После двух дней без

нормальной еды, кулеш, сваренный Архипом, показался нам пищей богов. Потом напились восхитительного чаю, заваренного Архипом на собранных в округе травках и листочках. Сразу видно, что Архип бывалый путешественник, организовал он лагерь так ловко, словно все было приготовлено до нашего приезда.

После обеда свернули лагерь и поехали на север, по дороге идущей вдоль реки. Нам было желательно засветло попасть в какой-нибудь населенный пункт, чтобы определиться с местоположением и дальнейшим маршрутом. Судя по ширине, встреченная нами река, с большой вероятностью, была Северским Донцом, но нужно знать точно.

Часа через два пути впереди показались беленькие хаты и мы поняли, что сейчас, впервые с момента появления в этом мире, мы встретим людей, которые не хотят нас убить и которых мы не будем убивать. Остановившись на пару минут, мы убрали броники в багаж и поехали дальше.

Это было немного волнительно, все-таки это другой мир и нужно начинать вживаться в свои новые личины. Хорошо, что в рекомендательном письме барон был назван только по фамилии, так что имя и отчество оставил свои. Обрусевшие немцы, насколько я помнил, во втором, третьем поколении сплошь носили русские имена, поэтому – барон Иван Николаевич фон Штоффельн никого не удивит. У Доброго вариантов не было, имя указано в подорожной, а Гном решил взять имя Степан, чем проще тем лучше, у него все равно

личина временная, хотя нет ничего более постоянного чем временное. Жизнь покажет.

Хоть по календарю еще весна, лето уже вступило в свои права. Жара стояла невероятная. Предыдущие два дня, мы передвигались по ночам, а днем отсиживались в лесу, поэтому не ощутили этого в полной мере. Леса и поляны были еще наполнены свежестью молодых листьев и травы, и по ночам было свежо.

Приблизившись к станице и повнимательнее рассмотрев открывшийся вид, можно было сказать, что именно так описывались казачьи станицы во множестве произведений. Позолотой блестела маковка церкви, расположенной по центру станицы, аккуратные беленые домики, утопающие в кустах сирени и зелени плодовых деревьев, покосившиеся кое-где заборы, лениво побрехивающие собаки, прячущиеся от послеобеденной жары в тени кустов, куры, гуляющие сами по себе, детишки, ковыряющие палками землю, наверное, в поисках дождевых червей. Пастораль!

Дорога вывела нас на центральную улицу станицы, упирающуюся в церковь. У крайней хаты, возле которой ковырялись детишки, мы остановились, и я подозвал одного из них, поманив пальцем, – Эй пацан, подь сюда!

Старший, судя по росту, из детей подбежал к лошади и остановился у стремени.

– Это что за село и река! – спросил я у пацана.

– Село Лисья балка, а река Северский Донец! – ответил

пацан, и я понял, что это село, видимо, предок Лисичанска, и вышли мы к реке, как и планировали. Отличная новость.

– Тебя как зовут? – продолжил я.

– Матвейка!

– Хочешь копейку Матвей? – спросил я и увидев, что у пацана загорелись глаза, продолжил, – Где тут можно остановиться, постоянный двор есть? Проводишь нас, получишь копейку.

Я понимал, что копейка – это щедро, но монеты мельче у меня не было. На копейку можно было купить буханку хлеба, а курица стоила две копейки. В принципе с деньгами у нас было неплохо, общий куш с «гопников» и команды «Чистого» составил около семидесяти рублей серебром и еще немного меди, на которые можно было купить четырех копей. Для сравнения – «Чистый» озвучил денежное довольствие поручика драгунского полка – сто двадцать рублей в год. Но с учетом денежных затруднений барона, упомянутых в рекомендательном письме, стоило вести себя поскромнее.

– Езжайте барин за мной, постоянный двор на площади, возле церкви! – сказал пацан и побежал по улице. Видимо желание получить копейку за пять минут несложной работы переполняло пацана.

Доехали до постоянного двора минут за семь, он расположился справа от церкви и выделялся на фоне окружающих домой большими размерами и длинной коновязью слева от входа. Матвей уже стоял около коновязи и вопросительно

смотрел на меня. Я кинул ему копейку, он ловко поймал ее и со словами – Благодарствую барин! – сунул копейку за щеку и припустил по улице.

Мы спешили, отдали коней Архипу, оставшемуся у конюязи, и вошли внутрь. Помещение представляло собой достаточно просторную комнату, в которой вдоль стен стояло четыре стола с табуретами. У дальней стены по центру находилась большая русская печь. Справа и слева от печи было два прохода, прикрытых дверями. Народу в зале не было. Печь была, естественно, холодная, но откуда-то со двора тянуло ароматом свежее испечённого хлеба, от которого рот сразу наполнился слюной.

– Хозяин! – громко позвал я.

За правой дверью слышалась возня, затем шаги и в зал, немного прихрамывая, зашел мужчина среднего роста, с окладистой бородой, чистый и опрятно одетый, похожий на казака. Сразу видно, что сам черновой работой не занимается, наверняка хозяин.

– Здравы будьте! – сказал мужик, с чувством собственного достоинства.

Теперь был мой выход, можно сказать премьера, общение с пацаном не в счет, при том, что у артистов задача на порядок легче чем у меня, у них есть сценарий, где написано, что и как говорить, а сцену при необходимости можно переиграть. В жизни дубль не сделаешь.

Я, конечно, барон, но это не мой крепостной, а наверняка

свободный человек, можно сказать индивидуальный предприниматель, поэтому можно с ним поздороваться. К тому же, мы не в центральной России, где уже давно вытравили вольницу, здесь почти Дикое поле.

– Здравствуй, милейший! – поздоровался я и продолжил, – Я барон фон Штоффельн, это мои спутники. Мы встанем у тебя на постой до утра, у коновязи мой денщик Архип с лошадьми. Найдутся у тебя приличные комнаты?

Конечно, Вашбродь! – ответил казак так, как в фильмах про Суворовских «чудо-богатырей» солдаты обращались к командирам, – Разместим со всем почтением. На круг выйдет сорок копеек серебром.

– Держи полтину, добавишь еще меру овса лошадям и еды в дорогу! – сказал я, положив монету на стол, и спросил – Как тебя звать казак? Служил?

Насколько я помнил из книг, постоялые дворы в это время выполняли много функций, в них велась торговля, том числе и не всегда законная, встречались люди, при дворах строились склады, для временного хранения товара, рядом всегда работала кузня, то есть это было место притяжения. Здесь, конечно был не самый оживленный тракт, но все же знакомства в такой среде лишними не бывают.

– Благодарствую Вашбродь! Степан Тимофеич я, служил старшим урядником в Войске Донском, ранен на войне с пруссаками, к службе более не годен, подался сюда из станицы Морозовской, здесь хоть и басурмане озоруют, зато зем-

ли свободные, – ответил он.

– Так у нас с тобой Степан Тимофеевич, можно сказать, судьбы, как братья близнецы, – удивился я совершенно искренне, хотя в жизни и не такие загогулины бывают, наше здесь появление тому подтверждение.

– Отставной поручик Царицынского драгунского полка, ранен при осаде Кольберга, и тоже намереваюсь на этих землях начать новую жизнь, – представился я второй раз.

Собираясь представить спутников, я вдруг понял, что легенда Гнома летит ко всем чертям, ведь бывший урядник через два слова поймет, что Гном такой же казак, как я балерина. Поэтому я перевел стрелки, сказав, – Ну что, показывай комнаты, Степан Тимофеевич!

Хозяин провел нас в левую дверь, за которой оказался коридор с четырьмя дверями по левой стене и открыл первую дверь.

– Вот Вашбродь, лучшая комната, офицеры проезжие всегда останавливаются, никто не жаловался, – начал он рекламировать комнату.

Комната и впрямь была приличная, чистый пол, занавески на окне, деревянная кровать, застеленная вполне чистым бельем, стол, стул, сундук в углу и вешалка на стене.

– Ну что, и правда неплохо, Прохора и Николая поселишь в соседней комнате, с Архипом сам разберёшься, скажи, чтоб подали умыться с дороги и через час подавай обед, – велел я, и увидев, как удивился Гном при его именовании

другим именем, моргнул ему и сказал, – Прохор, через четверть часа зайдите оба ко мне. Да, Степан Тимофеевич, будь любезен, кликни мне Архипа.

– Все сделаем Вашбродь! – откланялся хозяин.

Прикрыв дверь, я присел на стул и выдохнул с облегчением. Не сказать, что напряжение было, таким уж, сильным, ведь я разговаривал не с дворянином и опасность брякнуть что-то непотребное была минимальной, но все же.

Прибежавшему Архипу я велел принести все переметные сумы, в которых лежало оружие и вещи из будущего, ко мне в комнату. Как говорится «береженого бог бережет», одну комнату мы всегда проконтролируем.

Через пять минут дородная дивчина, настоящая русская красавица, что и коня остановит и в горящую избу войдет, принесла кувшин с водой и тазик, полила мне и дала чистое полотенце. Когда она ушла, я с удовольствием стянул сапоги и прилег на кровати в ожидании парней.

Больше всего в этом мире меня пока расстраивало отсутствие часов. Свои наручные часы я, по понятным причинам, убрал в багаж. Доброму с Гномом повезло еще меньше, у них были электронные часы и они вышли из строя, как и вся остальная электроника. У меня часы были механическими и путешествие перенесли вполне себе спокойно. Ладно, разберемся потом, как их легализовать.

Минут через десять пришли Добрый с Гномом, я сел на кровати, Добрый устроился на стуле, а Гном пристроился

на подоконнике. Посидели молча с полминуты, парни ждали когда я начну разговор, потом я, показав кивком головы на дверь, сказал тихо, – Гном проверь.

Гном аккуратно подошел к двери и резко открыл ее. Чисто, выглянул в коридор, тоже чисто, закрыл дверь и прошел обратно к окну.

– Ладно парни, что скажете, как прошло на ваш взгляд? – спросил я вполголоса.

– Норма Командир, прям потомственный аристократ. – ответил Добрый.

– Супер Командир. – сказал Гном и спросил у меня, – А я почему Николаем стал?

Я начал объяснять, – Легенду про казака к черту, Степан Тимофеич тебя враз на чистую воду выведет, какой из тебя казак к лешему, а имя это повод для разговора: Степан, тезка, казацкая одежда, слово за слово и готово. А так у него вроде и вопросов не было. Нужно новую легенду придумать.

– Ну крепостным я точно не хочу быть. – сразу заявил Гном.

– Это понятно. – ответил я, – Мы ведь собираемся прогибать этот мир, а прогибается он только теми, кто наверху пищевой пирамиды, и для того, чтобы быстрее там оказаться, нужно создать себе наилучшие стартовые позиции, а это конечно дворянство или на худой конец купечество. Ни тем, ни другим нельзя просто заявиться, враз выкупят. Из

мещан довольно простой путь в купцы, плати гильдейский взнос и готово, но там, наверняка, нужно иметь солидный капитал. Либо военная служба, получение офицерского звания за особые заслуги, а там и личное дворянство светит.

Через двадцать минут обсуждения была готова и новая легенда Гнома и детализирована старая легенда барона фон Штоффельна и его секретаря.

Гном стал Николаем Федорович Черновым (черноволо-сый), мещанин, сын мелкого лавочника, товарищ Прохора Емельянова, решил вместе с другом попытать счастья на вольных землях. Документы утерали в стычке с разбойника-ми на землях Войска Донского.

Уверен, что нашей легенде облегчит жизнь, то, что Бахмутский гусарский полк, со слов «Чистого», не совсем регулярная воинская часть, да и состоит из сербов-переселенцев с Балкан, которым, думаю, наши внутренние заморочки до одного места. Приехали люди – хотят служить, двое отлично, трое еще лучше.

Через полчаса Степан Тимофеич позвал нас на обед. Оставив Архипа на охране в моей комнате, мы вышли в зал.

Мне накрыли стол отдельно. Распорядившись пересадить за свой стол Доброго и Гнома, я пригласил отобедать с нами и Степана Тимофеича. Пригласив хозяина на рюмку водки, я, естественно, имел умысел, мне кровь из носу требовались настоящие воспоминания ветерана Семилетней войны, кроме того, учитывая близость Серебрянки, наверняка он имел

контакты с полком.

Степан Тимофеич, после принятия на грудь, раздобрел и воспоминания о былом и информация по полку полилась на меня рекой, здесь видимо ему было не с кем об этом поговорить.

После дальней дороги и позднего обеда или раннего ужина меня разморило и я сказал, что иду спать, завтра рано утром выезд. В комнате, справившись у Архипа как его разместили и как наши лошади, и наказав ему встать с петухами и готовиться к выезду, упал на кровать и мгновенно уснул.

Проснувшись с восходом солнца, я чувствовал себя прекрасно отдохнувшим. Ну что, будем считать, что легализация прошла успешно. Впереди встреча с полковником Депрадовичем.

Интерлюдия Славяносербия

Идея поселения сербов в России, и в частности, на Украине, возникла у Петра Первого в начале 18 века. В ее основе лежали общность интересов российского и сербского народов в борьбе против турецкой агрессии, православная христианская религия, а также сходство языка и этническое сходство русских и сербов.

В результате в 1729 году, в районе крепости Тор (с 1784 года Славянск) поселился сербский гусарский полк Ивана Албанеза.

В дальнейшем, процесс переселения на Украину сербов из Австро-Венгрии продолжился. В 1753 году поселения в России попросили Иван Шевич и Райко Депрерадович. Вместе со своими командами они добровольно перешли на службу Российской империи и приняли российское подданство. Депрерадович и Шевич были произведены в ранг генерал-майоров, а членам их команд были присвоены офицерские и унтер-офицерские звания.

Указом Императрицы Елизаветы Петровны полки Шевича и Депрерадовича были поселены на правом берегу Северского Донца между речками Бахмуткой и Луганью.

Земля, на которой поселились конные гусарские полки Шевича и Депрерадовича, получила название Славяносербия. Это была автономная административно-территориаль-

ная единица, не входившая в состав губернии. Она напрямую подчинялась Военной коллегии и Сенату. Для организации поселения, комплектования и содержания гусарских полков, Военной коллегией была учреждена Славяносербская комиссия. Комиссия располагалась в уездном городе Бахмут, который не входил в состав Славяносербии. Первым начальником Славяносербии был назначен генерал-майор Райка Депрерадович.

Основными задачами поселенных гусарских полков были охрана государственной границы от набегов крымских татар, ногайцев и прочих разбойников, а также хозяйственное освоение земли, которая никогда не обрабатывалась и была известна как Дикое поле. Земля эта затвердевшая, дикая, пустовавшая во все века без всякой пользы.

Офицеры за службу наделялись землей, в зависимости от ранга офицера. На каждую роту, для размещения усадеб гусар, а также под посевы, сенокос и выпасы, выделялся общий участок земли.

Два эскадрона из полков Депрерадовича и Шевича, под командованием секунд-майора Георгия Депрерадовича, принимали участие в семилетней войне против Пруссии, участвовали во взятии Кенигсберга и Берлина. Некоторое время отрядом из драгун и славяносербских гусар командовал бригадир А.В.Суворов.

В 1764 году, по причине малочисленности, полки Депрерадовича и Шевича были объединены в один, получивший

наименование Бахмутский гусарский полк. Состоял полк из шестнадцати рот, размещенных по берегам Северского Донца и Луганя. Райки Делпрерадовича к этому времени уже не было в живых, а Иван Шевич вышел в отставку. Командиром полка был назначен полковник, к этому времени, Георгий Делпрерадович.

Именно в этот полк и следуют наши герои.

Глава 6 Полковник Депрерадович

Наскоро позавтракав и тепло попрощавшись со Степаном Тимофеевичем, мы выехали из Лисьей балки часов в восемь утра. По словам Степана Тимофеевича, от Лисьей балки до Серебрянки, где дислоцировался штаб полка, была прямая дорога, а расстояние, как я и прикидывал ранее, составляло чуть больше двенадцати верст (27 километров). К обеду должны доехать.

Земли Славяносербии начинались недалеко от Лисьей балки и здесь уже дороги должны патрулировать конные разъезды полка.

Сделав небольшой привал часа через три пути, напоили лошадей, перекусили хлебом и молоком и во второй половине дня, наконец, доехали до Серебрянки. Патрулей по дороге, по счастью, не встретили.

Внешним видом Серебрянка ничем от Лисьей балки не отличалась – церковь, домики, собаки, зелень, все как под копирку, только купол церкви без позолоты.

Серебрянкой назывался и шанец (полевое укрепление), на котором несла службу первая рота полка и село, основанное поселенцами, в котором гусары, вместе с семьями, и проживали.

На въезде в село, находился пост из двух пеших гусар, прятавшихся от жары в тени большого дуба. Кивера и доло-

маны, густого синего цвета были сняты, солдаты сидели на бревне в штанах и нательных рубахах.

Не дожидаясь, пока они начнут задавать тупые вопросы, я взял инициативу на себя, – Я барон фон Штоффельн, следую к полковнику Депрерадовичу. Сопроводи меня, гусар.

– Следуйте за мной, Ваше благородие. – чернявый гусар вытянулся, потом схватил кивер и доломан, и одеваясь на ходу, пошел в сторону церкви.

Говорил он по-русски чисто и, в отличии от того же Степана Тимофеевича, грамотно, и судя по возрасту, возможно даже родился здесь, но чувствовались в его говоре, еле уловимые, сербские нотки.

Село было небольшое, дворов на пятьдесят, если считать, что это пятьдесят гусар и это вся первая рота, в полку большие проблемы с комплектованием личным составом. Тем лучше для нас, проблем с поступлением на службу не будет.

Подъезжая к дому полковника, я опять немного разволновался, все-таки сейчас должен состояться, ключевой для нашей жизни в этом мире, разговор.

Хорошо, что я уже немного освоился в своей новой личности и задания, словно в компьютерной игре, усложнялись по мере их прохождения – пацан, Степан Тимофеевич, полковник Депрерадович.

Дом у командира полка был двухэтажный, богатый, настоящая усадьба, украшенный псевдоколоннами и резными наличниками, огороженный невысоким палисадником. У ка-

литки стоял часовой в будке, экипированный как положено.

При виде нас, часовой встрепенулся, поправил саблю, и хотел видимо задать вопрос, но мой провожатый пошел по моим стопам и опередил его словами, – Барон фон Штоффельн к господину полковнику.

Гусар отдал воинское приветствие и открыл калитку. Вот так все просто, а как же вызвать начкара или, на худой конец, разводящего, проверить документы, да...а непуганые они здесь, хотя я, наверное, на них наговариваю – войны нет, на банду крымских татар мы не похожи, одеты прилично, террористов еще не придумали, а уж титуловаться бароном, простолюдину не приснится даже в самом страшном сне, чего им волноваться.

Видимо, пока мы двигались от калитки к крыльцу дома, нас увидели и дверь в дом открылась, на крыльцо вышел молодой человек в местной, полностью синей форме, и представился, – Полковой адъютант корнет Николич, с кем имею честь?

– Барон Иван Николаевич фон Штоффельн к господину полковнику, по личному делу, вот рекомендательное письмо, прошу. – передал я ему письмо.

– Прошу подождать, господин барон, присаживайтесь, я немедленно доложу господину полковнику, – ответил корнет и показал на стулья в парадной.

– Благодарю вас, – ответил я и пошел к ближайшему стулу.

Пока все идет гладко, самый тонкий момент, Семилетняя война, про осаду Кольберга в Померании я знаю только то, что было три штурма, два неудачных и последний в конце 1761 году удачный, и командовал победным штурмом генерал Петр Румянцев, общий ход Семилетней войны знаю, но нужно придерживаться версии, что попал в корпус Румянцева в начале 1761 года, под Кольбергом был ранен, больше в войне участия не принимал. Излечение шло долго, а в 1762 году война для России фактически закончилась.

Ну а с биографией, думаю, проблем не будет, как говорить «мизер неловленный», да и кому здесь нужно, это уточнять. В письме все, что необходимо, указано.

Только я закончил размышления, из дверей справа, вышел корнет и пригласил меня, – Господин барон, полковник Депрерадович готов вас принять, прошу за мной.

Корнет, по коридору, одну сторону которого занимали два окна, провел меня в кабинет командира полка. Полковник Георгий Депрерадович сидел за большим деревянным столом, на углу которого лежала приличная стопка бумаг.

Войдя в кабинет, я представился и поприветствовал его небольшим поклоном головы, – Здравия желаю, господин полковник, разрешите представиться – барон Иван Николаевич фон Штоффельн, отставной поручик Царицынского драгунского полка.

– Добрый день, господин барон, чем обязан? – ответил полковник и продолжил, – Присаживайтесь господин барон,

как говорят на Руси «в ногах правды нет».

Из всех, встреченных нами, на настоящий момент, сербов, полковник имел, если так можно сформулировать самый «сербский» вид, и акцент и средиземноморский тип внешности были выражены у него сильнее всех. Использование сербом русской поговорки поначалу удивило меня, но осмотревшись в кабинете, я понял, по количеству книг в шкафах и на полках, что полковник, вероятно, много читает и приняв русское подданство, решил изучить русских поближе.

– Благодарю, – и присел на стул у стены – Прибыл я, господин полковник, с желанием вернуться на государеву службу в ваш полк. В поданном вам рекомендательном письме, изложено, что желание это проявлено по причине денежных затруднений. Если быть точным, причиной послужили не столько мои затруднения, сколько старшего брата, царствие ему небесное. Я младший сын барона Николая Карловича фон Штоффельна, тоже царствие ему небесное, помещика средней руки в Саратовской губернии. Если мне не изменяет память, в 1760 году крепостных у моего отца было 150 душ.

Мой дед, Карл, прибыл на русскую службу еще во времена Петра Великого, и остался в России, женившись на мелкопоместной дворянке. После окончания службы дед обосновался в окрестностях Камышина.

Я делами поместья никогда не интересовался, меня привлекала военная служба, поэтому в двадцать лет я посту-

пил на службу в Царицынский драгунский полк, корнетом. В 1761 году попал со своим эскадроном в действующую армию, в корпус его превосходительства генерала Румянцева, был при осаде Кольберга, дважды ранен, осколком в руку и контужен, лечился до лета 1762 года. По причине слабого здоровья вышел в отставку.

Восстанавливал здоровье в имении, когда в 1765 году умер отец, оказалось, что старший брат, проживавший последние годы в Санкт-Петербурге, наделал карточных долгов. Крепостных пришлось продавать, в итоге, к январю сего года, никого не осталось, а долги погашены не были, имение было продано, брат застрелился, а я, рассчитавшись с долгами, решил попробовать начать жизнь заново. Здоровье сейчас, слава богу, в порядке, готовь вновь послужить государыне Императрице. Сразу отвечу, господин полковник, на вопрос, почему именно к вам в полк. Потому, как здесь не на плацу время проводить придется, а и настоящее дело бывает, да и земельный надел положен.

– Ну что ж, господин барон, пояснение более, чем достаточное, и учитывая, что вас рекомендует Михаил Михайлович Прозоровский, могу предложить вам должность командира роты, 15-я рота сейчас без командира, предыдущий командир ротмистр Вранич погиб в бою прошлой осенью, а там отряды ногайцев и крымчаков частенько появляются, так что будет вам настоящее дело, – закончил полковник.

Внутренне, я возликовал, самое слабое звено, имя Прозо-

ровского, было ликвидировано самим командиром полка.

Я встал и сказал, – Господин полковник, готов приступить к исполнению обязанностей командира 15-ой роты незамедлительно, со мной прибыли из Камышина два мещанина, хваткие парни, прошу назначить их в мою роту на должности унтер-офицеров.

– Не возражаю, господин поручик, корнет Николич оформит все необходимые бумаги, я подпишу, переговорите с ним, а сейчас прошу меня извинить, кроме командира полка, я являюсь еще и начальником Славяносербии, и всю переписку со Славяносербской комиссией в Бахмуте приходится вести мне, а это чертова прорва бумаг. – тяжело вздохнул полковник.

– Благодарю господин полковник! – сказал я, приняв строевую стойку, попрощался с ним наклоном головы, засомневавшись, принята ли сейчас такая форма прощания, как «Чсть имею», и сделав поворот кругом, вышел из кабинета. Пройдя по коридору, я увидел корнета и, предваряя его вопросы, сказал, – Можете меня поздравить корнет, командир 15-ой роты Бахмутского гусарского полка поручик фон Штоффельн, к вашим услугам. Господин полковник сказал, что вы оформите все необходимые бумаги.

Пока корнет оформлял приказы по полку, я попросил у него карту Славяносербии, где были указаны места дислокации рот полка. Оказалось, что 15-я рота, совместно с 16-й ротой дислоцируются в селе Луганском, на левом берегу ре-

ки Лугани.

В 2027 году это село сохранилось примерно, на том же месте и с тем же названием. Эти места нам были хорошо знакомы по штурму Углегорской ТЭС. Естественно, пока не существовало ни самой ТЭС, ни ее водохранилища, образованного дамбой, перегородившей Лугань, как раз в районе села Луганское. Судя по карте, земли Славяносербии уходили на юго-запад, вдоль Лугани, еще километров на 20-30, но село Луганское было самым южным населенным пунктом Славяносербии, а дальше было только Дикое поле.

От Серебрянки до Луганского было двадцать шесть верст (56 километров) почти строго на юг. Дорога на юг шла вдоль реки Бахмутка, являвшейся западной границей Славяносербии, и естественно проходила через Бахмут.

Теперь понятно, почему полковник отметил, что отряды ногайцев и крымчаков там частенько появляются, и с настоящим делом проблем не будет. Что ж, чем хуже, тем лучше.

От Серебрянки до Луганского было чуть больше тридцати верст (65 километров) почти строго на юг. Дорога на юг шла вдоль реки Бахмутка, являвшейся западной границей Славяносербии, и естественно проходила через Бахмут. Если от серебрянки до Бахмута семнадцать верст, значит от Бахмута до Луганского остается еще тринадцать.

Учитывая, что в седле мы уже немного освоились, если не сравнивать нас со степняками, то за один переход до Луганского доберемся спокойно, в Бахмут, во избежание проблем,

заезжать не хотелось.

То, что полковник, назначив меня на должность командира роты, не стал меня инструктировать или ставить задач, поначалу удивило, но поразмыслив, я пришел к мнению, что это и впрямь было лишним. Войны нет, задачи войск на границе Дикого поля общеизвестны, а командир соседней роты введет в курс дела намного лучше полковника.

Оформление приказов много времени не заняло. Мне звание присваивать не требуется, да и сделать это можно, насколько я помню, только императорским указом. С моих слов корнет, присвоил Доброму – вахмистра, а Гному – капрала. Полковник ограничений не накладывал, а командиру роты, то есть мне, виднее.

Подписав приказы у полковника, корнет выдал мне денежное довольствие на всех, попутно разъяснив порядок материально-технического обеспечения личного состава. В год из казны офицеру полка было положено 38 рублей на закупку мундира, оружия и боеприпасов, унтер-офицеру на аналогичные нужды – 16 рублей. Все остальное гусары обеспечивали себе сами, за счет наделов земли. По земле корнет посоветовал вначале разобраться на месте, а с оформлением бумаг проблем не будет.

Получив у корнета 70 рублей серебром и забрав документы, я попрощался с ним, и вышел дома-штаба на улицу. Хоть прошло все, в целом, без волокиты, на улице уже вечерело. Узнав у часового, где находится постоялый двор, мы двину-

ли устраиваться на ночлег, чтобы с утра выехать на место дальнейшего прохождения службы.

Перед сном собрались и я поздравил парней с присвоением воинских званий. По иронии судьбы, Доброму опять присвоили «прапора», так как вахмистр в кавалерии или фельдфебель в пехоте этого времени, были аналогами прапорщиков из 21 века, ну а у Гнома это было первое воинское звание, «срочку» он не служил, а в «Вагнере» званиями не заморачивались, были только должности.

Глава 7 Первое знакомство с Диким полем

Утром 21 мая 1768 года мы выехали из Серебрянки в направлении Бахмута в отличном настроении. Причем это касалось не только нас, но и Архипа. С момента исключения из банды «гопников», он стал денщиком у барона, его переодели в отличную, по сравнению с прошлой, одежду и обувь, кормили «от пуза», не били и не издевались. Тот Архип из пещеры, и этот, гордо едущий позади нас на лошади, с ружьем за спиной, были как два совершенно разных человека, даже взгляд изменился.

У нас настроение было отличным по совершенно понятным причинам – легализация прошла более, чем успешно, мы едем заниматься, тем, чем умеем – отправлять «бармалеев» в их «бармалейский» ад, имеются лошади, оружие и существенная сумма денег на первое время, а с хозяйством на месте разберемся.

Часов через пять, немного не доезжая до Бахмута, сделали короткий привал у ручья, объехали Бахмут слева и продолжили путь дальше. Через пару километров местность стала знакомой и слева, невдалеке, мы увидели, знакомый нам, холм с нашей пещерой. Треугольник нашего пути замкнулся.

Километров через десять, когда до Луганского оставалось

еще километров пятнадцать, мы услышали впереди выстрелы.

Остановившись, я достал из сумки бинокль и начал осматривать местность, а Добрый быстро установил на винтовку оптику.

Картина, увиденная впереди, меня не обрадовала. Километрах в двух от нас, две группы всадников-степняков вели загонную охоту на двух гусар, в уже знакомой нам ярко синей форме, и было ясно, что шансов на благополучный исход у гусар мало.

Встретив банду, гусары, наверняка, попытались уйти в направлении ближайшего населенного пункта, которым был Бахмут, но степняки, разгадав их маневр, разделились и охватили гусар справа, тем самым отжав их от дороги и заставив повернуть налево к реке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.